

КОНСТАНТИН ПЕРЕЙРО

СИТКРЕТИЧЕСКИЙ
ЧЕЛОВЕК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Перейро

Синкретический человек

<https://litres.ru/73213873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альтернативная Россия 2027 год. В Москве, ещё не до конца оправившейся от войн и кризисов, следователь убойного отдела УВД получает в напарники необычного новичка. Их первым делом становится охота на изощрённого маньяка, чьи мотивы не укладываются в привычные логические схемы.

«Синкретический» — неологизм, образованный от слов «синтетический» и «синкретический», то есть состоящий из разнородных частей искусственного происхождения. Это роман-размышление о будущем, которое уже наступило. История о мире, где граница между человеком и машиной стирается. Кто останется по ту сторону?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Константин Перейро

Синкретический человек

Глава 1

СИНКРЕТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК 18+ (обценная лексика, откровенный контент, сцены насилия)

(СИНКРЕТИЧЕСКИЙ — неологизм, образованный из слов «синтетический» и «синкретический», то есть состоящий из разнородных элементов искусственного происхождения)

Пролог

— Так что, у тебя с Ларисой всё серьёзно? — Шон взглянул на напарника, который набирал что-то на смартфоне прямо за рулём.

Автопилот безупречно вёл машину в режиме патруля, водитель мог немного расслабиться и почувствовать себя пассажиром.

— Угу, — Сергей Ардеев ткнул пальцем в отправку сообщения и вставил смартфон в гнездо на торпедо.

Стесняясь Шона, он всегда напечатывал своей пассии, вместо того чтобы записывать видео. Они, конечно, были больше чем напарники, но тут присутствовало очень уличное.

— И она не любит, когда её зовут Лариса, я тебе говорил.
Лара.

— Окей, босс, Лара. Когда свадьба?

— С чего ты взял? — Сергей взглянул на Шона и усмехнулся: — Задолбал со своими ментовскими приёмчиками, Шерлок.

— У вас всё на роже написано, Ватсон.

Сергей улыбнулся ещё шире:

— Лара хочет в конце сентября. У неё сестра с мужем приедут из Питера.

— Что говорит начальство?

Лариса Котина работала диспетчером в патрульной службе. Серёга познакомился с ней совершенно случайно: как-то забежал в отдел, увидел и, как говорится, влюбился с первого взгляда. Правда, инструкция запрещала близкие внеслужебные контакты между полицейскими — подразумевались, конечно, интимные отношения. Дружба или просто походы в гости никогда не возбранялись. Да и запрет по умолчанию распространялся только на сотрудников одного подразделения. Однако формально всё равно нужно было заручиться добром от руководства. Иначе кому-то пришлось бы увольняться со службы или переводиться в другие структуры.

— Додон намекнул, что можем не шифроваться, все и так знают. Её шеф тоже не против.

Капитан Додонов или просто Додон был непосредственным начальником оперативного отдела, где служили Шон и

Сергей.

— То есть, всё-таки придётся раскошелиться на подарок? — вздохнул Шон.

— Кто сказал, что ты приглашён?

Такие подколки стали для обоих нормой, приятельские отношения давно переросли в крепкую дружбу, скреплённую не одним совместным делом, перестрелками, погонями и прочей служебной рутинной.

Модернизированный электрокар свернул на Хорошевское шоссе, послушно встал на светофоре.

— Ну а ты когда со своей познакомишь? — спросил Сергей.

— Никогда.

— Только не говори, что вы расстались!

— Давно уже.

— Давно для тебя, это сколько? Три дня?

— Неделю. Почти.

— Менял я женщин, пум-пурум-пум, как перчатки, — пропел Ардеев. — Беспорядочные половые связи вед...

— Внимание всем патрулям! — прервал его голос диспетчера. — Код девять! Повторяю, код девять!

Шон узнал Ларису, взглянул на напарника. Тот уже схватился за руль и протянул палец к автопилоту. «Код девять» означал нападение на полицейского.

— Патрульным требуется помощь, двадцать седьмой квартал, Пятая Магистральная улица, один-три. Складской

терминал.

Шон кликнул по экрану навигатора, над торпедо выросла увеличенная голограмма. Пунктирная линия протянулась к мерцающей точке, выше высветилось расстояние и время. Шон ткнул кнопку связи:

— Диспетчер, это ка-девять-три-восемь. Едем, эрвэпэ* три минуты.

— Приняла ка-девять-три-восемь. Три минуты.

— Две! — Ардеев перехватил управление у автопилота, врубил сирену.

— Опасное вождение, советую пристегнуться, — ровным женским голосом сообщил искусственный интеллект.

— Эм, заткнись и помогай рулить! Режим погони.

— Поняла. Режим погони. Прокладываю оптимальный маршрут до места назначения. Сейчас будет резкий поворот налево, беру управление...

Тяжёлый «Икс-Кросс» накренился, входя в кажущийся невысказанным вираж, протестующе завизжала резина. Но «умная» подвеска быстро выровняла крен, движок послушно добавил киловатт, и кроссовер рванулся, ускоряясь до ста пятидесяти километров в час. Датчики препятствий взрывались паническим пиликаньем, но тут же глохли, поскольку опасность оставалась позади. Через две минуты и двадцать секунд они остановились. Сирена смолкла.

— Диспетчер, это ка-девять-три-восемь, мы на месте, —

доложился Шон. — Наблюдаем машину номер пэ-пэ-восемь-восемь-четыре-восемь. Двери закрыты. Движения не видно.

— Приняла ка-девять-три-восемь. У них был код два-два-восемь. Патруль зашёл в здание, вскоре запросили помощь. Сейчас связи с ними нет, статус неизвестен.

«Два-два-восемь» означало подозрение на наркоторговлю.

— Понял, диспетчер. Мы заходим, переводим связь на гарнитуру.

— Приняла ка-девять-три-восемь. К вам едут эн-девятнадцать-два, пэ-пэ-семь-два-шесть-пять и пэ-пэ-три-три-девять-семь. Эрвэпэ — пять минут. Ребят, — тихо добавила Лариса, — осторожней там.

Это было совсем не по уставу, но кто мог ей запретить беспокоиться о любимом человеке? Шон дважды ткнул в кнопку связи. У диспетчера на экране должен был отобразиться двойной вызов. Это означало, что её поняли и приняли к сведению.

Сергей уже открыл дверь и достал служебный ПЛМ*. В багажнике лежали и дробовики, и пистолеты-пулемёты, Шон посмотрел на старшего, тот понял немой вопрос и отрицательно мотнул головой. Не любил он громоздкое оружие, не любил, и всё. Пусть штурмы тягают железо, а табельное оперов умещается подмышку, вот его кредо. То же самое касалось тяжёлой брони. Есть штатный бронежилет и достаточ-

но. Шон вылез из машины. Прислушался. Они находились в полузаброшенной промзоне, городских звуков сюда уже почти не доносилось. Складской терминал начали ремонтировать лет пять назад, может, больше, но стройка заглохла. Таких заброшек хватало не только по окраинам, но и в пределах Третьего транспортного кольца. Не сговариваясь, напарники двинулись к приоткрытой синей двери. Интересно, как здесь оказались пэпээсники? И кто настучал, что тут барыжат наркотой?

Шон бедром приоткрыл дверь, взгляделся в сумрак, включил подствольный фонарик. Луч выхватил разбросанные тут и там поддоны со строительными материалами. Он покрутил направленным вверх указательным пальцем, Сергей достал из кармана складной дрон, нажал пару кнопок на его брюхе. Коптер выпустил пропеллеры, едва слышно зажужжал, поднялся метров на пять и завис, залив всё вокруг ярким белым светом. Крадучись и прикрывая друг друга, приятели обошли несколько паллетов, двигаясь по направлению к пандусу, проложенному вдоль дальней стены. Там виднелся ряд дверей.

Труп первого патрульного они нашли в небольшом коридорчике, который заканчивался двустворчатой дверью. ППСник лежал лицом вниз в огромной луже собственной крови. Шон дотронулся до шеи, пытаясь нащупать пульс, хотя и так было ясно, что мужик мёртв. Пистолет валялся рядом. Он перевернул его на спину, но жетон залило кровью

так, что номера было не разобрать. Поэтому Шон коротко сообщил: найден один из патрульных, код девять-два, «полицейский ранен». Когда-то какому-то чинуше пришло в голову, что сотрудники правопорядка не обладают достаточной квалификацией, чтобы констатировать смерть, поэтому слово «убит» исчезло из кодового лексикона. Даже если у тела будет отсутствовать голова, с точки зрения начальства и всяких надзорных органов он всего лишь ранен. Тяжело, но *ранен*. Сергей молча указал на входные пулевые отверстия. Шон мрачно кивнул: оба видели, что бедолагу прошило насквозь вместе с жилетом.

Второго патрульного нашли в следующем помещении. Он ещё дышал, привалившись к стене. Однако вместо слов из горла доносилось только отвратительное бульканье. Рядом валялся шприц — парень сумел вколоть себе дозу «коктейля» из обезболивающего и адреналина.

— Держись, батух! Помощь уже рядом, — попытался подбодрить его Ардеев.

Раненый слабо указал зажатым в руке пистолетом в сторону дальнего прохода.

— Там? Они там?

Патрульный кивнул, поднял левую ладонь и резко сжал её в кулак. На языке жестов это означало «Внимание, опасность». Затем он потряс пистолетом и зачем-то положил два пальца на предплечье.

— Что? Их двое?

Раненый мотнул головой слишком сильно и зашёлся в кашле. В ту же секунду где-то в глубине здания заработал механизм. Шон не услышал его, но почувствовал, как завибрировал пол. Патрульный обмяк, потеряв сознание.

Оставив его, напарники осторожно прошли через пустой, усеянный мелким мусором зал. Однако Шон заметил, что здесь не так давно ездили на погрузчике. Из помещения вело две двери, абсолютно одинаковые и без опознавательных знаков. Пожав плечами, Шон толкнул правую и не удержался от ругательства. Они попали на бойню. Дрон здесь был не нужен, света хватало из многочисленных окон на уровне второго этажа. Поверху зала шла рельса для кран-балки, сам механизм висел метрах в пяти от пола, цепи с крюками слегка покачивались. Среди ящиков с каким-то оборудованием валялись тела. Шесть человек в безмяннх синих рабочих робах со светоотражающими полосками. Все буквально издырявлены пулями. Однако и работяги были странными: Шон заметил по меньшей мере два ПП-2010С*, из-под одного тела торчал приклад, как ему показалось, «Скорпиона-3»*. Очень непростое оружие даже для полицейского спецназа, не говоря уже о грузчиках. Всё пространство вокруг было усеяно гильзами. Тут кипел настоящий бой, причём недавно — запах пороховой гари ещё не успел рассеяться. Какого хрена?

Шон подобрал пару гильз, понюхал, убрал в карман. Нарушение, но тут улик хоть задницей ешь. Гул внутри здания

усилился, на короткое время перешёл в визг, который неприятно ударил по ушам.

Напарники переглянулись. Что-то мелькнуло на парапете, проложенному вдоль дальней стены.

— Стоять! Полиция! — Ардеев вскинул пистолет, быстро выстрелил двойкой. — Сука! Давай за ним!

Фигура в тёмной одежде, не обращая внимания на выстрелы, неслась к следующему дверному проёму. Оба полицейских выстрелили ещё по разу, но на бегу прицел взять было сложно.

Ардеев первым достиг двери, за которой скрылся неизвестный, ударил плечом, присел, ушёл в сторону от возможной атаки. Помещение оказалось совершенно пустым, если не считать большой бетономешалки в центре и антресольной площадки в правой части зала. Шустрый бегун уже почти достиг следующих дверей. «Слишком быстро!» — мелькнуло в голове у Шона.

— Стоять! — Сергей, не вставая с колена, поймал беглеца на мушку.

Шон боковым зрением заметил движение на антресолях: шевельнулась тень в углу за недостроенной будкой.

— Справа! — заорал он, вскидывая пистолет.

Грянула короткая очередь. Ардеев завалился набок, успев тем не менее выстрелить. Бегущий впереди человек вскрикнул и упал.

— Серый! — Шон схватил напарника подмышки, втащил

обратно за дверь.

— Я норм, норм, — бормотал Ардеев.

Алая струйка потекла из уголка губ.

— Диспетчер, девять-два! У нас ещё девять-два! Медиков сюда, срочно! — закричал Шон, прижимая наушник к щеке.

— Я норм, — офицер скривился, устраиваясь поудобнее, достал шприц. — Не упусти убудка. Иди!

Шон колебался. Он был достаточно опытен, чтобы понимать: ранение очень серьёзное, его друг не двигал ногами, значит, задет позвоночник. Кровь изо рта почти наверняка означала пробитое лёгкое. С другой стороны, помощь должна прибыть с минуты на минуту.

— Пошёл! — прорычал Ардеев, вонзая шприц в ногу.

Шон сжал ему плечо и кинулся к двери. Глубоко вздохнув, приоткрыл её и высунулся, наводя пистолет на рампу. Однако там никого не было. Продолжая контролировать сектор, он побежал вглубь склада. Раненый подозреваемый исчез, но на полу остались обнадёживающие поблёскивающие пятна. Они привели к очередной двери, за которой оказалась лестница, ведущая вниз. Дрон висел над Ардеевым, поскольку у того находился пульт управления. В распоряжении Шона оставался только подствольный фонарь. Услышал топот, Шон опрометчиво заглянул в пролёт и едва не словил пулю. Выстрелив в ответ, бросился вниз.

Преступник стрелял ещё дважды, короткими очередями, но делал это на бегу, поэтому не попал. Шон тоже мазал.

Когда счётчик показал остаток в пять патронов, сменил магазин. Пробежка по петляющим коридорам закончилась у комнаты, куда нырнул беглец. Сноп свинца, который тот выпустил, выбил бетонное крошево из стены напротив двери, осколки впились Шону в лицо, но он почти не заметил боли. Выстрелив наугад, оперативник собрался с духом и совершил то, что на их жаргоне называлось рывком веры. Иными словами, вломился в помещение, уповая лишь на везение. Откатился в сторону, встал на колени, обводя пространство лучом света. Комната оказалась абсолютно тёмной, её размеры было трудно определить. Бетонный пол, бетонные стены с пучками кабеля. Четыре колонны, поддерживающие потолок. Слишком узкие, чтобы за ними мог спрятаться человек. Тем не менее Шон со всей осторожностью принялся обходить помещение по периметру, периодически замирая и прислушиваясь. Однако в здании царил полная тишина. Гул неведомого механизма тоже стих. Пройдя вдоль длинной стены, он остановился и ещё раз обшарил лучом всё пространство, уделяя особое внимание углам и потолку. Таким же образом прокрался вдоль короткой стены, где выругался в голос. В комнату вела единственная дверь, ни люков, ни окон, ни шкафов, ни хотя бы ниш. Ни-че-го. Она была совершенно пустой. Раненый беглец исчез.

Дождь злобно хлестал по собравшимся на кладбище. Серые струи пытались пробить непромокаемые чехлы на фу-

ражках. Чёрные плащи блестели от воды, чёрные зонты колебались под порывами ветра. Священник исправно размаживал потухшим кадиллом, мужественно игнорируя промокшие насквозь одеяния. «Сука, его похоронят в луже», — отстранённо подумал Шон.

Ардеев умер в больнице. Врачи почти двое суток боролись за него, лучшее оборудование и лучшие специалисты. Но ранения оказались слишком серьёзными. Несовместимыми с жизнью, как писали в протоколах.

Лара словно застыла в одном состоянии. Шон видел такое раньше — всепоглощающую скорбь женщины, навеки потерявшей любимого мужчину. Или матери, похоронившей ребёнка. Некоторым уже не суждено было выбраться из этой горестной пропасти. Он так и не смог подойти к ней. Любые слова казались пустыми, формальными. Да и что он мог сказать? Не прикрыл напарника, вышел без единой царапины, покоцанная морда не в счёт. Упустил подозреваемого! Полный провал, по всем фронтам. Цена провала — жизнь хорошего человека. Жениха. Друга. Полицейского. Оперативника.

Начальник управления генерал-лейтенант Мамин склонился к Ларе, что-то сказал ей. Она кивнула, словно заводная кукла. Генерал поднял голову, скользнул взглядом по выстроившимся у гроба подчинённым. На миг задержался на Шоне, но мига хватило, чтобы обжечь. Они презирали его, Шон это точно знал. Чувствовал их взгляды. Слышал шёпот

за спиной: «Упустил, упустил, упустил...» Полицейские гибли всегда, во все времена. В спокойные меньше, в тяжёлые — больше. Но это никогда не было нормой, даже в самые кризисные годы, когда трещали по швам и разваливались целые государства, смерть полицейского была нонсенсом. От — особо тяжким преступлением. Найти и покарать убийцу считалось делом чести, как бы пафосно это ни звучало. А он упустил! Хорошо, не совсем убийцу, но соучастника.

В его историю никто бы не поверил, потому что чудес не бывает. А исчезновение человека в бетонной комнате с одним-единственным выходом иначе, чем чудом не объяснить. Или, что гораздо хуже, сговором. Поэтому Шон солгал. Сказал, что потерял подозреваемого на нижних ярусах, это как раз походило на правду, потому что там был настоящий лабиринт. Собрать гильзы и выбросить их на лестницу было минутным делом. Установить его точное местонахождение по мобильнику не было ни единой возможности — здание экранировало любой сигнал. Если бы Сергей выжил, никто бы ничего не сказал. Хотя ему и так ничего не сказали. Вообще ничего.

Когда Шон поднялся, там уже суегилось не менее десятка человек. Патрульные, опера, медики. Начальство подкатило, когда Сергея загружали в машину скорой. Шон очень хотел поехать с ним, но ему надлежало оставаться на месте преступления. Он успел вкратце доложить Додону, когда появился Нацбез. Федералов не любили. Нигде. Их считали па-

разитами. Прислужниками кровососов, вытягивающими ресурсы из ВТО — Временных территориальных образований. Опричниками на службе кучки олигархов и высших чиновников, окопавшихся за Садовым кольцом. Однако выступить против них ни у кого не хватало яиц. Потому что ответ всегда был быстрым, жёстким и, надо признать, эффективным. Чем именно занималось Федеральное агентство по обеспечению интересов в сфере национальной безопасности никто толком не знал. Зато у них были расплывчатые и столь широкие полномочия, что они могли просто щёлкнуть пальцами, и человек исчезал без следа. Правда, за пределами Третьего Транспортного кольца они делали это нечасто. Но на сей раз Шона их появление не удивило, слишком всё мутно было на этом складе. Лощёный тип в сшитом на заказ тёмно-синем костюме — их отличительный знак, униформа, так сказать, — и с печатью застывшего превосходства на роже отозвал шефа в сторонку и начал чем-то грузить. Додон кивал с обречённым видом, затем бросил затравленный взгляд на Шона, сел в машину и свалил. И Шон окончательно понял, что дело заберут федералы.

Его опросили один раз. Не СВР*, не начальство, а два хмыря в синих костюмах, вернее, хмырь и хмыриха, ещё более высокомерная, чем её напарник. Никаких записей, никаких диктофонов. Разговор, конечно, записывался, наверняка где-то был спрятан микрофон, а то и не один. Ровными, безэмоциональными голосами они попеременно пыта-

ли его несколько часов, гоняя по кругу. Однако Шон хорошо знал систему, а Назбез всё же был её частью. Приёмы не отличались разнообразием. Хороший коп — плохой коп. Давление на сознательность. Запугивание. Детектор лжи. Не прибор — полиграфом перестали пользоваться с тех пор, как в сеть утекли рекомендации, как его обмануть. Однако существовали другие способы поймать человека на вранье. Невербальные реакции, нестыковки в мелочах. Как правило, люди редко продумывают ложь, не уделяют достаточно внимания деталям. Что-то приходится изобретать на ходу, на этом и палятся. Опытные оперативники могли за несколько минут раскрутить такого недотёпу, просто ткнув его в несоответствия. Но Шон сам был опытным, раскалывал тех ещё сказочников. Поэтому его ложь была безупречна. Столь похожа на правду, что вполне могла за неё сойти. Он преследовал подозреваемого, попал под огонь, лицо посекло каменной крошкой. Пока вытирал глаза, пока осматривал помещения, тот, видимо, сбежал. Да, де-факто Шон упустил преступника. Но в тех условиях, в незнакомом месте, без связи, без поддержки... Чудо, что его самого не убили.

Оперативники не задали напрямую ни одного вопроса из тех, что он хотел услышать. Зато спросили другое, вызывающее вопросы уже у него.

— Вы не увидели ничего необычного?

«Ничего, кроме непонятно откуда взявшихся патрульных, их прошитых насквозь бронежилетов, кучи трупов работяг,

выглядевших как боевики, нестандартного оружия, снайпера из тени и исчезновения преследуемого в комнате с единственной дверью. Через которую он не выходил. И ещё странного гула. Про гул, пожалуй, можно сказать».

— Увидел. Рабочие с оружием. С пистолетами-пулемётами. Это... довольно необычно. И ещё механизм.

— Какой механизм?

— Не знаю, я его не видел.

— Но вы только что сказали, что видели.

— Я этого не говорил.

— Нет, сказали. Вам задали вопрос: что необычного вы видели? Вы ответили: механизм.

Так мог говорить только робот. Или специально натасканный опер. Целью этого издевательства было вывести его из равновесия, заставить злиться, нервничать. Ошибаться. Проболтаться.

— Я не успел сказать, что только слышал его.

— И что вы слышали? — Вопрос уже от стервы.

Никаких эмоций, никакой косметики, хотя нет, глаза подведены и скулы, но мастерски, чтобы выглядеть ещё большей сукой.

— Гул, — пояснил Шон. — Сначала не услышал, а почувствовал. Что-то большое и мощное. Оно заставило вибрировать пол.

— Как вибрировать?

— Как будто заработал очень большой мотор, не электри-

ческий. Возможно, дизель.

— То есть, вы слышали вибрацию?

— Да, сначала вибрацию, затем высокотоновый визг, перешедший в ровный гул. Вибрация не исчезла, хотя и уменьшилась.

И снова вопросы про гул. Почему Шон решил, что это дизель? Насколько сильной была вибрация? И без всякого перехода — сколько было убитых? Как определил тип оружия? Как долго осматривал тела? Трогал ли что-нибудь? Проверял ли у рабочих пульс? И так далее и тому подобное.

Дрон снял не всё. В отличие от патрульных, оперативники не носили персональных камер. Это давало некоторое пространство для манёвра, когда кое-чьими правами нужно было немного пренебречь. Зато в спорных ситуациях могло не оказаться необходимых доказательств. Палка о двух концах, и важно было не ошибиться с этими концами. Но леталка должна была заснять стрелка на рампе, записать предупредительный окрик Шона. Плюс траектория. Понятно же, что беглец не мог попасть в Сергея под таким углом. Но об этом не было сказано ни слова. А самое хреновое, Шон не знал, что лучше, вопрос или его отсутствие. Потому что у него не было ответа. Там просто шевельнулась тень, вот и всё. Кто-то прятался в углу, убил напарника и сбежал. А это означало, что он упустил *двоих* подозреваемых.

Шона отпустили через четыре часа. Правда, давали перерыв на туалет, один раз угостили дрянным чаем с сахароза-

менителем. На вопрос — что дальше? — последовал стандартный ответ: вас известят. И всё. Тишина. Мёртвая, во всех смыслах. Он написал рапорт, как и положено, но тот исчез из системы. Его не просто заблокировали, а удалили. Шон не в первый раз применял оружие, не в первый раз убивал на службе и терял напарника. Поэтому он знал протокол: на время разбирательства его переведут «в кабинет». Никаких выездов, никаких расследований. Можно заниматься аналитикой, переключать бумажки, хотя их в полиции было не так много — почти везде использовались электронные формы. Настоящая бумага стоила дорого. А эко, сделанная из непонятных отходов, превращалась в труху через несколько лет, поэтому не годилась. С файлами, правда, тоже случались странности и повреждения, но их списывали на проблемы с техникой. Что именно произошло с его рапортом он разбираться не стал. Сутки прошли в сущих мучениях, Шон совершенно не привык сидеть и ничего не делать. Да ещё и под косыми взглядами коллег. СВРовцы так и не появились, Додон пропадал в главке или на верхних этажах.

На следующий день Шон решил нарушить протокол. Служебная машина оставалась за ним, но система знала, что его маршрут должен ограничиваться домом и зданием на улице Авиамоторная. Поэтому он сел в личный «Датсун-344». Старичок сейчас считался раритетом, как и любой «японец», но для Шона он значил гораздо больше. Потому что «Датсун» достался ему как подарок с прошлой службы. Маши-

на была в идеальном состоянии, благо ездить на ней особо не приходилось. Плюс ребята провели капиталку, когда он увольнялся из Нижегородской теробороны. Её забрали у одной банды, главарь которой питал страсть к редким тачкам. Но по службе почти не использовали, а когда Шон переводился в Москву, подарили. Тогда это было просто. Что особенно нравилось Шону, это совершенно ненавязчивый ИИ. В машине имелся особый режим «экстренный помощник», при котором компьютер подключался к управлению только в случае крайней необходимости. Никаких тебе «Ваш уровень потоотделения повысился, как вы себя чувствуете?» или «На данном участке дороге я бы не рекомендовал ехать со скоростью не выше пятидесяти семи километров в час». Японский искусственный разум делал свою работу молча. Шон про себя звал его «Старый ниндзя».

Он поднёс персональный браслет к датчику включения, машина сразу ожила, мигнув пару раз в качестве приветствия подсветкой панели. Приборы здесь были оформлены в ретростиле. Электронные, но имитировали аналоговые, из прошлого века. Заряд батарей показывал больше 80%, единственный датчик — глушителя — горел красным. Электрокары были почти бесшумными, что приводило к частым ДТП с пешеходами, несмотря на все системы контроля. В конце концов производителей обязали ставить модуль, имитирующий звук работающего двигателя. Некоторые специально усиливали их, превращая кар в ревущего монстра из

гонок, но Шон относился к таким вещам спокойно. Он вообще предпочитал не лезть в так называемые базовые настройки, разве что усилить подвеску да поставить неубиваемые шины. Дороговато, но оно того стоило.

«Датсун» рыкнул, когда Шон «поддал газу», но сразу перешёл на стандартный звук в 75 децибел. Забивать маршрут в навигатор Шон не стал, предпочитая тренироваться ездить самостоятельно. Хотя спутники работали исправно, он знал, что такое остаться один на один с техникой, лишившись привычной поддержки ИИ. Сорок минут неспешной езды, и впереди показалось знакомое здание. Он припарковался метрах в двадцати, посидел в машине, изучая местность, вспоминая, анализируя и проверяя список своих вопросов. Медленно объехал вокруг. Нашёл несколько выездов из подземного гаража и погрузочных терминалов. Фактически они зашли с чёрного хода. Допустим, машины преступников стояли где-то в другом месте, у складов или внизу. Но почему патрульные подъехали именно к той двери?

Шон вернулся, вышел из машины, подошёл к крыльцу. Красно-белый полосатый кусок ленты трепал ветер. «Национальная безопасность. Проход запрещён!» Ничего не значащая надпись для любого гражданского. Проблемы, если он нарушит границу, для него. Шон взялся за ручку, потянул. Электрический замок или отключили, или сломали, потому что дверь сразу подалась. Лента тоже почти не сопротивлялась. Шон шагнул через порог. Дрон Назцбеза подлетел се-

кунд через десять. Где-то стояли инфракрасные датчики и док-станция с мини-коптерами. Вот почему дверь не закрыли — они хотели знать, кто сюда придёт. Устройство зависло метрах в трёх от пола. Шон различил несколько камер, а также ствол игольчатого пистолета. Дрянь стреляла дротиками с нейротоксином, вырубаящим человека за полсекунды. Но сначала должно прозвучать предупреждение. Однако леталка молчала, просто пялилась на него своими паучьими глазками. Шон показал дрону средний палец и собрался было дальше нарушать закон. Однако машина опустилась ниже, зависнув теперь на уровне его лица. Намёк, чтобы он проваливал? Шон шагнул влево. Коптер сдвинулся туда же. Попытка прорваться справа также потерпела неудачу.

— Вот как, значит? — пробормотал он. — Да и хер с вами.

По большому счёту Шон и сам не знал, зачем пришёл сюда. Федералы наверняка зачистили всё досконально. Что он хотел найти? Замаскированный выход из комнаты в подвале? Место, где прятался стрелок? Или понять, что упустил? Изначально, ещё тогда, в тот роковой день.

Нацбездовцы всё же настучали. Не успел Шон подняться в кабинет, как его вызвал к себе Додонов.

— Ты сколько лет на службе? — начал он издалека.

— На какой именно? — уточнил Шон, понимая, впрочем, к чему вопрос.

— Вообще. Лет десять, больше?

— Тринадцать, если брать срочную.

— Угу. Вычитаем партизанский отряд. Два года, да?

— К чему вопросы, товарищ капитан?

— Итого одиннадцать, так? — гнул своё Додонов.

— Ну, так.

— Не ну. Не ну! Одиннадцать лет службы в государственных структурах. Офицер. Имеешь награды. Каждый год сдаёшь тесты. В какой момент ты решил, что можешь забить на инструкцию?

— Никто забивал, товарищ капитан, но...

— Без «но»! Нет никаких «но»! Дело передано другой службе. Федеральной! Всё, баста. Что тут непонятного?

— Да всё понятно.

— Видимо, не всё. Ты что забыл на складе, а?

— Ничего не забыл.

— Тогда какого хрена там делал?

— Потому что у меня остались вопросы! — перешёл Шон в атаку.

— Ах вопросы! Угу. Например, имею ли я право нарушить служебную инструкцию? Такие вопросы? Так позволил бы мне, я бы тебе всё объяснил.

— Товарищ капитан...

— Не товарищ! Сейчас здесь нет товарищей! Ты понимаешь, что не себя подставил, ты меня подставил?

— Прошу прощения, такого больше не повторится, готов понести наказание! — отчеканил Шон.

— Наказание! Наказание... Будет наказание. Тебя ждёт Маша, вот тебе наказание.

— Сейчас?

— Нет, епишкин пистолет, завтра!

— Это всё, разрешите идти?

— Вали отсюда. И, Мельников, ещё раз... на пушечный выстрел... Ты меня понял?

— Так точно.

Шон повернулся, шагнул было к дверям, но задержался.

— Вы в курсе, что там стреляли из армейского оружия? — спросил он.

— Ничего не хочу знать! — замотал головой Додонов. — Это не наше дело!

— Из оружия, которого на чёрном рынке не должно быть. Армейский шесть и восемь. Который шьёт наши бронежилеты как картон. Это очень мутное дело, товарищ капитан.

— Из оружия, которого на чёрном рынке не должно быть. Армейский шесть и восемь. Который шьёт наши бронежилеты как картон. Это очень мутное дело, товарищ капитан.

— Поэтому им и занимается Нацбез.

— Это не всё. Я пробил код с гильз: патроны из-за рубежа, из Чехии, если точнее...

— Ты же не хочешь сказать, что забрал улики с места преступления? — вкрадчиво спросил капитан.

— Что там на самом деле делали патрульные? — продолжал давить Шон. — И почему не приехал нарко-отдел, если

вызов поступил по два-два-восемь?

— Лейтенант Мельников, что вам непонятно во фразе: «НЕ ЛЕЗЬ В ЭТО ДЕЛЮ»? Мне забрать у тебя удостоверение и пистолет? Отправить в неоплачиваемый отпуск?

— Ответы, товарищ капитан. Мне нужны ответы.

— Если там, — Додонов взглянул на потолок, — решат, то до тебя доведут информацию. А пока даже не приближайся! Никаких расследований, никаких вопросов. Считай это приказом. Ты меня понял? И выброси гильзы!

— Так точно. Разрешите идти?

— Топай. Не забудь, Маша ждёт, — проорал он, когда Шон закрывал дверь.

Машей звали психолога управления, но это было неофициальное имя, потому что официальное звучало слишком тяжеловесно: «Программно-технический комплекс на основе искусственного интеллекта, выполняющий функции по охране психологического здоровья сотрудников МВД города Москва». Даже аббревиатура выглядела как сгенерированный пароль к аккаунту, поэтому сами охраняемые сотрудники немного её очеловечили. Вроде как ласково от «Машина».

Забавно, но это был не первый «обратный ход» с именами. К середине 2010-х нейросети использовали не только крупные корпорации, они проникли практически во все области жизни. Куда бы ни позвонил или ни написал человек: в поликлинику, в банк, на почту или в магазин, ему неиз-

менно отвечали бодрые юноши или девушки, являющиеся на самом деле набором нулей и единиц. По какой-то причине считалось, что будет здорово, если они не только заменять живых людей, но станут носить их имена. Светланы, Игоря, Кириллы, Алисы и прочие заполонили виртуальные приёмные и кол-центры. Некоторые поначалу признавались, что они цифровые помощники, но большинство изо всех своих электронных сил пытались походить на людей. Получалось, на самом деле, не всегда успешно. ИИ тупил, вызывал раздражение, гонял по кругу и, главное, не решал проблему.

Программисты улучшали версии, устраняли ошибки, учитывали замечания, продолжая всё больше и больше приближать компьютерный разум к человеческому. Как им казалось, во всяком случае. А все возникающие накладки по-прежнему списывались на несовершенство программы, которое обязательно будет устранено в следующей версии. Для владельцев выгода казалась очевидной: одна условная Анфиса могла заменить целый штат телефонисток. Существенная экономия в зарплате. Опять же, нечего звонить, если есть приложение в смарте, где и так всё понятно.

Понятно было не всем. Страдали в основном пожилые люди и та часть общества, что так и не перешла на «ты» с гаджетами. Для них телефон всё ещё являлся средством голосовой коммуникации, и они были уверены, что на другом конце провода живой человек. Считалось, что всё изменилось после того, как одной женщине стало плохо, она попыталась

вызвать скорую помощь, но нейросеть, как обычно, затупила. Бабуля говорила немного невнятно, глупый ИИ не понимал и раз за разом вежливо просил сформулировать вопрос. Несчастливая женщина сначала пыталась вразумить «милочку», потом принялась ругаться. Искусственный интеллект разорвал соединение. Бабушка повторила звонок. С тем же результатом. На третий раз её номер внесли в список телефонных хулиганов. Только после этого она позвонила родственникам, но было уже поздно. Прибывшая бригада констатировала смерть. И всё бы спустило на тормозах, никто бы не стал ничего расследовать, если бы не родня бабули.

Старушка успела пожаловаться внучке, та подняла волну и дошла аж до Верховного суда. Потому что три экспертизы показали: женщина была уверена, что разговаривала с живым человеком. Отсюда эмоциональный срыв, который усугубил проблемы со здоровьем. У бабушки была инструкция, как быстро заставить машину переключить на оператора из плоти и костей, но в ИИ успели внедрить обновление, обходящее эти попытки. Безжалостные программисты в буквальном смысле обрекли страдающих людей на смерть. Внучка не требовала денег или наказания виновных. Она хотела большего: обязать компании изначально предупреждать клиентов, что они говорят с роботом. Не просто с «электронным помощником», а с программой. И это должно звучать абсолютно чётко. И Верховный суд встал на её сторону. Алисы, Алины, Влады и прочие ушли, сменившись безымянны-

ми ЭП. Некоторые компании предоставляли абонентам возможность назвать устройство, те же «умные» колонки, пылесосы, холодильники и прочее. Другие плюнули и ограничились нормой закона. «Здравствуйте, я голосовая программа. Моя цель — помочь максимально быстро решить проблему. Если вы поняли, что разговариваете не с живым человеком, повторите это, пожалуйста. Спасибо, я вижу, вы убедились, что говорите с роботом. Теперь изложите ваш вопрос».

С подобной проблемой столкнулась не только Россия. В других странах народ также страдал от излишнего желания ИИ быть похожим на человека. Где-то это вылилось в запрет называть нейросети человеческими именами, где-то также предупреждали абонента, что он ведёт диалог с искусственным разумом. И это было лишь началом противостояния людей и машин. Ирония заключалась в том, что теперь абоненты сами давали нейросетям имена, словно стараясь стереть или максимально сузить границу между двумя мирами. А некоторое даже возмущались, что приходится каждый раз выслушивать эту предупреждающую речь.

Однако Машу никак нельзя было отнести к Электронным Помощникам. У неё был вполне официальный статус психолога, её рекомендации считались обязательными к исполнению, как если бы она являлась штатным сотрудником министерства. По своей сути это был очень продвинутый полиграф с кучей дополнительных функций. Только в отличие от обычного детектора лжи её нельзя было обмануть.

Ещё она не знала, что такое сочувствие, жалость, симпатии и антипатии. Настоящая Машина, бездушная, но весьма эффективная в своей области. Визиты к ней были неизбежными после применения оружия, возникновения стрессовых или конфликтных ситуаций. Именно она выносила мнение о совместимости напарников, когда кого следует отправить во внеочередной отпуск и так далее. Шон знал все протоколы, потому что общался с Машей уже не раз.

Кабинет психолога встретил его привычной аскетичной обстановкой: простой стол, довольно удобный стул, бутылка воды, сенсорный экран. «Умные» жалюзи на окне создавали комфортную, по мнению машины, степень освещённости. После стандартной процедуры приветствия последовал выбор способа общения: голос, только текст или смешанное. Шон выбрал смешанное, дал согласие на подключение к персональному браслету. Калибровки полиграфа, как в древних моделях, здесь не требовалось. Маша сама определяла, врёт собеседник или нет.

Интервью заняло около двух часов. Были как знакомые вопросы, так и совершенно новые. Некоторые представляли собой блоки тестов, другие же относились к текущей ситуации. Шон не врал, разве что иногда выбирал расплывчатый ответ типа «скорее, да». Среди полицейских ходили якобы надёжные инструкции, как обмануть Машину. В даркнете их было ещё больше. «Профессиональные психологи» и «бывшие спецназовцы» на пальцах объясняли, как работает ИИ,

на что обращает внимание, и как это обойти. Забавно, но кое-что из этой лабуды действительно было правдой. Шон сам проходил обучение в армии, на случай пленения. Нюанс заключался в том, что все эти приёмчики относились к девайсам прошлых поколений. Маша легко вычисляла любую ложь. Иногда она заканчивалась дисциплинарным взысканием, иногда — увольнением сотрудника.

В этот раз Шон совершенно не боялся тестирования. Он не чувствовал подавленности. Его грусть по поводу гибели друга была естественной, но она не занимала все его мысли. Возможно, он слишком очерствел. Сергей был далеко не первым близким человеком, которого Шон потерял. Родители, сестра, жена, не родившийся сын, о существовании которого он узнал лишь после её гибели. Боевые товарищи, его первый напарник и наставник. Смерть стала слишком привычным явлением. С ней свыклись. Как бы цинично это ни звучало, его больше беспокоил возможный отпуск. Ему вполне могли приказать отдохнуть пару недель, проветрить мозги, освободиться от идеи собственного расследования. Наконец, интервью закончилось. Маша поблагодарила Шона за сотрудничество и велела вернуться к исполнению своих обязанностей. По меньшей мере это означало, что его пока не отстранили.

Однако следующий день не принёс никаких изменений. Додон его избегал, коллеги изо всех сил делали вид, что заняты, поэтому после полудня Шон завёл свой «Датсун» и по-

ехал кружить по городу. Надо будет, вызовут, но сидеть в кабинете сил больше не было. Правила разрешали установку на личной машине модуля полицейской связи и спецсигналов. Шон включил режим рации, слушая редкие переговоры патрулей с диспетчерской. Открытой линией пользовались, только если нужно было объявить общую тревогу, как произошло с ними недавно. В других ситуациях использовали индивидуальные каналы, смарты или навигационные панели. В Подольске снова произошла стычка миграционной службы с гастарбайтерами. В Северном Бутове выселяли самовольщиков из высотки, патрули запросили помощи. Шон вывел на голоэкрэн оперативную сводку. Ничего нового: убийства, ограбления, сбыт наркотиков, накрыли подпольный притон, задержали банду торговцев хакнутыми девайсами. Рутина, всё как обычно.

Он подрулil к блинной на Руставели, напротив Гончаровского парка, не выходя из машины, взял два фаршированных блина, большой стакан зелёного чая. Проглотить получилось лишь один, во второй уже смотреть не хотелось. Внимание привлекла стайка бродячих собак, облаивающая общарпанного робопса, пробирающегося куда-то по своим делам. Киберпанк, да и только. Шавок отлавливали, стерилизовали, распределяли по приютам или усыпляли, но они всё равно плодились. Шон вышел из машины, попросил в окошке раздачи картонный контейнер, решив оставить блин на ужин. Домой ехать не хотелось. Впереди были выходные, и

он не представлял, чем займётся. Они с Сергеем всё планировали выбратсья на шашлыки, но то погода не позволяла, то служба. Теперь уже не выберется никогда. На душе стало совсем погано, и Шон двинул в «Гриль на Лисе», то есть на Академика Лисицына. Они частенько пропускали там по пиву, так что бар вполне подходил для поминок.

Смарт внезапно пиликнул сообщением. У него стояла глухая защита от спама, поэтому Шон немного удивился. Оказалось, от шефа, звал завтра к нему на дачу. Видать, тоже решил помянуть Серёгу. Ехать не хотелось, но просьба начальства обычно равносильна приказу. Поэтому пришлось изменить маршрут. Он успел в алкомаркет до закрытия, взял четверть односолодового. Шон редко пил крепкий алкоголь, всегда знал меру и не понимал, зачем люди нажираются до беспамятства. Но сейчас это было необходимо. Его личные поминки. Фронтовые двести грамм, за тех, кто ушёл.

Утром Шону пришлось потратить больше времени на йогу, разгоняя специальными упражнениями и дыханием метаболизм, чтобы скорее вывести токсины. На автопилоте можно было ехать хоть в стельку, дело было не в промилях. Полицейский знал, что здоровье — самый важный ресурс. Они ели дрянную еду и дышали не сказать, что чистым воздухом, но это не означало, что можно махнуть на себя рукой и в остальном. Поэтому в распорядке Шона прописались йога каждое утро, спортзал два раза в неделю, бассейн, плюс

занятие по единоборствам, если позволяло время. Он поддерживал свои кондиции на уровне армейских, во всяком случае, старался. Хотя порой возникали сомнения, что он опять сможет пробежать пятнадцать километров с увеличенной выкладкой. Беговая дорожка, это одно, а реальная местность всё равно другое. Сергей подшучивал над ним иногда, предпочитая более гедонистический образ жизни. Норму выполнял, и ладно. Полковники вон, с пузами ходят, и ничего. Хотя физические нормативы вроде как для всех были одинаковы.

Додонов звал часам к двенадцати, Шон заехал на рынок, взял винограда по запредельной цене, на выезде в магазине купил вина в подарок и пару пива себе. Он несколько раз видел жену начальника, Ольгу, поэтому не мог явиться без презента. Трасса была почти пустой, все, кто хотел выехать за город, сделали это вчера вечером. ИИ «Датсуна» счёл нужным предупредить о плохом состоянии дорожного покрытия, но Шон и сам это видел. Дороги разваливались на глазах, асфальт почти не производили, а пластиковые аналоги пока так и не довели до ума. Местами участки уже полностью заменили на бетонные плиты, но они крошились с пугающей скоростью.

К счастью, ехать было недалеко, дачные участки располагались близко к МКАД, в бывших коттеджных посёлках. Кризисы, особенно в последнее десятилетие, многое изменили, в том числе в плане собственности. Хотя власти ста-

рались не допустить самовольного захвата и пытались отследить судьбу владельца того или иного объекта, делалось это зачастую поверхностно. Брошенная недвижимость отчуждалась в пользу государства или муниципального образования, после чего передавалась тем или иным способом новым владельцам. Под «тем» подразумевалась продажа, под «иным» — аренда на правах социального найма или за символическую плату. Потому что заброшек было много, а людей мало.

Резина захрустела по щебёнке, «Датсун» подрулил к змейке из бетонных блоков, за которым находился шлагбаум и КПП на въезде в кооператив. Въезд охранял настоящий «робокон» — шагающий полицейский штурмовой дрон. Спиральный, но восстановленный на деньги владельцев участка и поставленный на охрану по специально полученному разрешению — сказывалась близость к пятой зоне, где всё ещё пошаливали банды. Штурмовик слегка повернул в сторону машины башню, уставившись раструбами сдвоенных пулемётов. В армейском варианте там стояло бы что-то крупнокалиберное, но и семь-шестьдесят два могли разобрать на части даже инкассаторский броневик. Шон поднял смарт с QR-кодом, содержащим пропуск. Шлагбаум дёрнулся вверх, дрон, словно избушка на курьих ножках, затопал в сторону, освобождая проезд. Шон медленно въехал на территорию «Ментовских дач», как их прозвали в народе.

Додонов с женой занимались уборкой участка. Их дети, судя по отсутствию велосипедов, где-то катались. На фоне

соседей дача начальника выглядела даже скромно, зато там было много места для грядок и фруктовых деревьев. Шон с капитаном около часа таскали сухую малину, срезанные ветки и прочий хлам в измельчитель, который превращал их в труху. Отходы шли на нужды садоводов, но Шон особо не вникал в процессы. Его никогда не тянуло копошиться в земле, все эти травы-цветочки. Хотя свежую зелень он любил. Ближе к концу работ начальник отправил его разжигать мангал, Ольга принесла кастрюлю с шашлыком и шампуры. Додонов предпочитал классику, никаких решёток. Хорошо промаринованное мясо быстро подрумянилось, шипящий на углях жир источал сводящий с ума аромат. Посидели, поболтали, помянули Сергея. Затем супруга капитана собрала посуду и ушла в дом, они остались на веранде вдвоём. Августовское солнце приятно пригревало. Додонов плеснул себе коньяка, взглянул на Шона. Тот отрицательно помотал головой.

— Извёлся? — лукаво прищурился капитан, делая глоточек.

— Можно уже переходить к делу, — Шон старался сохранить шуточный тон, хотя, конечно, устал гадать, ради чего такие сложности.

Не иначе, готовят перевод. Но куда?

— Ну, к делу так к делу.

Капитан взял со старинной этажерки голопланшет, оформленный в минималистическом стиле — кусок стекла в

тонкой полимерной рамке, — потыкал в него, передал Шону. Над планшетом возникла голограмма. Чьё-то личное дело. Фотография симпатичной женщины с забранными в хвост волосами. Младший лейтенант полиции Вероника Андреевна Калинина, родилась в Москве, 26 лет, родители погибли в пандемию, братьев и сестёр нет. Служба в армии, награды, затем полиция Ярославского ВТО. Диспетчер, патрульный, курсы повышения, бла-бла-бла...

— И кто это? — взглянул Шон на начальника.

— Что скажешь, твоё мнение? — как-то невпопад ответил вопросом Додонов.

Шон пожал плечами, ещё раз полистал файл. Остановился на службе. Семь месяцев в армии, трёхмесячные полицейские курсы, общий стаж в органах — пять месяцев. Он вернулся к курсам.

— Слушатель?

— Угу. Без отрыва от службы. Почти.

— А, я понял. Чья-то?..

Он недоговорил, но смысл был ясен. Чья-то пассия или родственница, которой нужно быстрое продвижение. Полностью обойти систему нельзя, но некоторые процессы, скажем так, бывали весьма пластичны. Благодаря этому Вероника Андреевна набрала совокупный минимальный год государственной службы для следующей карьерной ступени.

— Чья-то, — кивнул Додонов.

— Она будет работать у нас? — догадался Шон.

— Угу.

— И кем? — У него шевельнулось подозрение, но он его отмёл. Не могут же они назначить ему такого напарника!

— Оперативным сотрудником.

— Числиться, да? А сидеть где-то в другом месте?

— Нет, не где-то. И не просто числиться.

— Да ладно! Только не говорите!..

Додонов кивнул.

— Вы издеваетесь? — возмутился Шон. — За что, товарищ капитан?

— Это ещё не всё. — Начальник взял планшет, склонился над стеклом, проговорил официальным тоном: — лейтенант Мельников получает доступ к совершенно секретной информации. Об ответственности за разглашение предупреждён. Доступ предоставил капитан Додонов.

Затем активировал ещё один файл и передал девайс Шону.

— Читай.

Шон теперь уже с опаской взял планшет. Прочитал, затем ещё раз. Внимательно посмотрел на начальника.

— Если это какой-то прикол, то вы выбрали не самое удачное...

— Это не прикол.

— Хотите сказать, что у нас будет работать человекоподобный робот?!

— Угу.

— Но это же незаконно!

— Как видишь, не совсем.

— Но зачем? Что за необходимость? — не понимал Мельников.

Капитан допил коньяк, взялся за бутылку, показал Шону. Тот обречённо кивнул. Они выпили, не чокаясь.

— Сколько ты у нас служишь, семь лет? — спросил Додонов, отставляя стакан.

— Шесть. Я не считаю курсы.

— А я считаю. Сколько коллег за это время ты потерял?

— Но это же не может!..

— Может, Шон, может. Москва теряет в год порядка двухсот сотрудников. Не все погибают, да. Кто-то не выдерживает, кто-то пропадает без вести. Тем не менее общая нехватка кадров по городскому управлению составляет порядка двух с половиной тысяч человек. Понимаешь, нет? Мы падаем в яму.

— На улицах толпы безработных!

— Сказать, сколько в день отсеивают за попытки проникнуть в нашу систему?

— Не все же бандиты и наркоторговцы! Люди по разной причине могли оказаться на обочине.

— Да что ты? И какие же это причины? Желание стать миллионером в одночасье? Возможность на халяву занять чью-то хату в столице? Ты не замечал странного парадокса: повсюду висят объявления о найме, а у нас безработица.

Знаешь почему? Потому что нужны рабочие! От слова «работа». А работать хотят не все.

— Люди возвращаются из армии, — возразил Шон уже не так уверенно.

— Возвращаются. Но они приходят с войны. Не тебе объяснять, как там ломается психика.

— Я пришёл с войны, — напомнил Шон.

— Правильно. Проблема в том, что таких, как ты — один на тысячу, а то и меньше. Только не загордись смотри. Но если серьёзно, то за подобными тебе или Сергею, царствие ему небесное, идёт настоящая охота. Вас вычисляют специально. Тебя вычислили и вытащили к нам, причём пришлось бодаться с Минобороны. Потому что вас война не сломала. Базовые принципы остались. Там всё очень просто: есть враг — стреляй. Здесь так нельзя. Но большинство бывших военных считают, что именно так и можно. Даже нужно.

— На войне тоже не всё просто, — вновь не согласился Шон.

— Знаю. Как знаю, что здесь мы тоже ведём боевые действия. В самом глубоком тылу. И длится это уже десять лет. Ты только вдумайся! Всем кажется, что мы свыклись, но на самом деле люди устали. Нация устала. Живём как в античность: города-государства, а между ними Дикое поле. Кочевники, монголы, варвары.

— Монголов в античность не было, — машинально поправил начальника Мельников.

— Да неважно! Гунны, готы. Не суть. Страна раздроблена. Это чудо, что мы не разбежались окончательно, только часть откололась. Центр почти не решает проблем, только сосёт налоги, которые все старательно не платят. Скоро вырастет целое поколение, не видевшее ничего, кроме разрухи, хаоса и беззакония. Банды проредили, да, но те, что остались, лютуют по страшному. Люди оскотинились, озлобились, с обеих сторон баррикады.

— Но как синтетики помогут в этой ситуации? — воскликнул Шон. — У нас сотни «болванов» на углах стояли. И толку от них?

— Толк будет уже в том, что погибшего синта легко заменить новым, — Додонов нарочно или в запальчивости перешёл на сленг. — Точнее, не просто новым, а таким же. Та же внешность и данные из облака. Своего рода бессмертие.

— Это может иметь смысл на улицах. Но вы хотите, чтобы кукла заменила сыщика!

— Не я хочу, — уточнил капитан. — Это не моё решение и не моя идея.

— Но вы участвуете в этом. Значит, согласны. И одобрили мою кандидатуру.

Шон знал, что без положительного решения непосредственного начальника это назначение не состоялось бы.

— Да, одобрил. И согласен, потому что в этом есть смысл. Потому что вижу перспективу. А ты недослушал. Тебе предложено участвовать в эксперименте по внедрению синтети-

ков в нашу структуру. И это не те машины, что были раньше. Ну, в смысле функционала. Сами-то оболочки из Канады, ещё допандемийные разработки, а вот ПО уже новейшее, совместное с зарубежными партнёрами. Но есть и чисто наши дополнения. Самообучающийся искусственный интеллект. Твоя задача: научить его, в смысле, её... э-э... да всему, что знаешь. Считай, что тебе дали новичка.

— Если интеллект самообучающийся, то зачем мне её чему-то обучать? — упрямылся Шон.

— Знаешь, как называли таких как ты в пору моей молодости? — вздохнул Додонов. — Душнила. Потому что хотелось придушить!

— Да? А я читал, что это потому, что людям от общения с занудами становилось вроде как душно.

— Ага. Настолько душно, что придушил бы.

— Я вас понял, товарищ капитан. Но если уж мы заговорили о занудстве — вы сказали «предлагают». То есть, я могу отказаться?

— Можешь. Но не откажешься.

— Почему вы так думаете? Я ещё чего-то не знаю?

— Ты знаешь всё. А я знаю тебя. Но решение, конечно, за тобой. Да, чуть не запамятовал: в Проекте ты, выходит, будешь ещё и наставником, поэтому тебе увеличат ставку. А по окончании испытательного срока твоей... гм... напарницы ты получишь старлея, хватит тебе уже с двумя звёздочками ходить. У тебя сутки на размышление. Позвонишь завтра ве-

чером. Если в деле, в понедельник я вас представлю на лентучке. Остальные пусть думают, что она *чья-то*, так даже удобнее. Ещё есть вопросы?

— Да. Почему Канада?

— «Синтея Хьюманс».

— И... что? Мне это должно о чём-то говорить?

— Изобретатели суперлатекса.

Шон покопался в памяти и вытаращил глаза:

— Они же производили интим-роботов!

— Лучших интим-роботов, — уточнил Додонов. —

Их изделия позиционировались как полноценные спутники жизни. Но закон серьёзно ударил по сбыту, а потом Сдвиг. Пандемия, конечно, дала небольшой скачок в продажах, но потом началось сам знаешь, что. Много продукции зависло.

— То есть, для Проекта по дешёвке закупили списанный хлам? И почему я не удивлён?

— Я бы не назвал это хламом. Материал и правда, хех, фантастический. Столько лет пролежать на складе, а выглядит... увидишь, в общем. Откровенно говоря, я сам не ожидал. Это тебе не китайские или индийские поделки из борделей для извращенцев. И уж точно не боевые андройды. Действительно высокие технологии.

— Но почему женщина?

— Не знаю, решение принимал не я.

«Ёбаная Маша, — с досадой подумал Шон. — Вот зачем меня так долго гоняли в последний раз. Хотя стоп!»

— Как меня могли допустить к проекту, если знают, что я был во Враце?

Этот небольшой болгарский городок печально прославился «бунтом» боевых дронов. Из-за непонятого сбоя батальон суперсолдат перешёл в режим самосохранения и стал воспринимать любого человека с оружием как угрозу. Тогда погибло очень много людей. Шон участвовал в ликвидации свихнувшихся машин и с тех пор с опаской относился ко всем синтам.

— Маша считает, что у тебя нет ПТСР.

— А я вот считаю, что есть.

— Ну, как я уже сказал, решать тебе, — Додонов забрал планшет. — Сутки на размышление, даже чуть больше. Жду твоего звонка до восемнадцати ноль-ноль завтрашнего дня.

Хотя Шон выпил немного, алкотестер в машине уловил запах, и Старый ниндзя предупредил, что ехать можно только в режиме автопилота.

— Хорошо, вези домой, — вздохнул Шон.

Все его мысли, разумеется, вертелись вокруг нового назначения. И было их чуть меньше, чем сонм. Беспокоила даже законность самой операции. Синты, или синтетические люди, или искусственные люди, появились незадолго до Сдвига. Робототехника в XXI веке развивалась семимильными шагами. Как-то быстро исчезала неуклюжесть в движениях, походка всё больше копировала человеческую. Глав-

ной проблемой оставалась мимика, воспроизвести её казалось для машин невыполнимой задачей. Так было, пока одна японская корпорация не представила инновационный продукт — робота, которого невозможно было внешне отличить от человека. Для его создания использовали образ живой девушки. На презентациях они выходили вместе, словно сёстры-двойняшки. Зрителям предлагалось угадать, кто из них кто, делались ставки, но результат редко оказывался верным. Юми и Юри стали мировыми звёздами. А когда на помощь робототехнике пришли нейросети, эпидемия искусственных двойников захватила планету. Воспроизвести копию себя становилось всё более доступно. От открывающихся перспектив захватывало дух.

Надо сказать, что человекоподобных роботов создавали не только ради развлечения. Умные и ловкие машины помогали своим владельцам-инвалидам, следили за детьми, выгуливали домашних животных, выполняли рутинную работу по дому. В общем, стали полноценными помощниками. Но вскоре начали вылезать неприятности. Одна ушлая программистка обучила своего двойника основам поведения в человеческом сообществе и отправила на работу вместо себя. Коллеги заметили подмену только через несколько месяцев. Впрочем, робот не совсем заменял девицу, она периодически подключалась к нему, работая удалённо и вместе с тем как бы присутствуя в офисе. В компании поначалу отнеслись к такой выходке негативно, даже хотели уволить её

за прогулы. Коллеги тоже не оценили столь хитрый манёвр: ты или работай из дома, или сиди вместе с нами. А один парень подал иск на компенсацию морального вреда. Мол, машина заигрывала с ним, и теперь он испытывает невероятные муки. Однако в головной конторе внезапно предложили официально трудоустроить робота. Пусть девушка сидит дома, а в кабинете синт. Потому что парочка работала *эффективнее* других сотрудников.

Прочие работодатели тоже узрели плюсы такого альянса. Появились целые офисы, где находились только человекоподобные машины. Причём необязательно двойники реальных людей. На работу принимали любого синтетика, если он подходил по определённым параметрам. Тот факт, что хрупкой девушкой мог управлять здоровенный мужик за сорок, никого не волновал. В этом тоже были свои плюсы: например, люди с ограниченными возможностями получили шанс жить более полноценной жизнью. Хотя порой это управление выглядело забавно. Роботы вели себя полностью как люди: отлынивали, спали на рабочем месте, воровали канцтовары, ссорились, сплетничали, дрались, флиртовали, занимались сексом и так далее. Заговорили о правах синтов. Норвегия и Аргентина первыми признали синтетиков новой разновидностью человеческой расы. За что, разумеется, были подвергнуты жесточайшей критике. Вспомнили о законах, предписывающих сообщать о том, что с вами общается искусственный интеллект. Следом начались более серьёзные

проблемы. Роботы получали повреждения, а их владельцы требовали не только дорогостоящего восстановления, но и оплаты больничного. Отпуск, выходные, золотые парашюты* — всё распространялось и на синтов. Выгода, изначально основанная на хайпе, стала оборачиваться потерями. Роботам начали отказывать, увольнять. Тогда люди побежали в суды.

В большинстве стран всё же сумели справиться с проблемой прежде, чем она приобрела угрожающие размеры. Были приняты законы, чётко определяющие место синтетиков в мире людей. Роботы однозначно признавались оборудованием. Их эксплуатация регулировалась правилами компании, единственно, чего все должны были придерживаться, это следить, чтобы внешний вид синта не вводил никого в заблуждение. Вплоть до соответствующих бирок.

Россия не отставала от остального прогрессивного и не очень прогрессивного человечества. Здесь тоже был принят целый пакет законов, регулирующий использование синтов во всех сферах. И теперь один из тех, кто должен был следить за соблюдением этого закона, только что сообщил ему, что собирается в открытую его нарушить. Вернее, в закрытую. Или... как он сказал? «Это больше не незаконно»? А вот в этом Шон сомневался. Да, старинная поговорка про закон и дышло не утратила актуальности и в нынешние времена. Существовали лазейки, исключения, странные послабления или, наоборот, внезапно закрученные гайки. Порой, и не так уж редко, законы нарушались практически в откры-

тую, и это вообще никого не волновало. С теми же зонами, например. Или использование нелегалов на работах. Правда, тут начинался очень тонкий лёд. Сидящие за Садовым кольцом могли внезапно изменить вектор своей благосклонности. И тогда известный бизнесмен и общественный деятель вдруг оказывался злостным вором и коррупционером. Шон опасался, как бы эта авантюра тоже не обернулась чьей-то частной инициативой. Не хотелось бы попасть под раздачу, хотя основной гнев падёт, конечно, на Додона и тех, кто над ним стоит. Кстати, кто? Но тут оставалось только гадать.

Проснулся Шон с головной болью. Именно по этой причине он не любил коньяк, организм его просто не переносил. Но отказывать начальнику не хотелось. Да и выпил немного вроде.

— Мельников, так и спиться недолго, — сказал полицейский сам себе, стоя под душем и игнорируя писк эконометра.

Вода, как и всё в городе, стояла приличных денег. Горячие струи немного снизили давление внутри черепной коробки, но полностью боль не исчезла. А от йоги лишь усилилась. Пробурчав ругательство, Шон принял таблетку. И дал себе зарок больше к коньяку не прикасаться ни под каким предлогом. Поглощая яичницу, выругался ещё раз, теперь уже в адрес Додона. Сукин сын оказался прав — он согласится. Более того, он согласился ещё там, на даче. Они, кем бы эти они ни были, всё просчитали. Что Шон примет вызов. Что факт посвящения в некую тайну потешит сокрытую частич-

ку его натуры. Резоны, изложенные начальником, тоже были разумны. Шон знал о проблемах с персоналом изнутри, так сказать. Поэтому, возможно, за синтами действительно было будущее. Да, эти сволочи всё просчитали, они даже из гибели Сергея сумели извлечь выгоду. Потому что, если бы ему дали напарника-человека, это было бы в разы тяжелее. А тут... Но обучать робота! Вашу ж мать!

Допив крепкий чай, он набрал шефа, тянуть до вечера смысла не было.

— Я в деле. И можете не говорить, что не сомневались.

— Ладно, не буду, — хмыкнул Додонов. — Но я рад, что ты согласился. Это правильное решение, Шон.

— Будем надеяться, что вы не ошибаетесь. Можно вопрос, товарищ капитан?

— Валяй.

— Кто ещё задействован?

— А вот это, товарищ лейтенант, секретная информация. Для тебя — только я, Ну и ещё Маша, разумеется.

— Что даже Сам не в курсе?

Под Самым подразумевался начальник Управления.

— Шилокрутить у него под носом, как ты понимаешь, было бы совсем уж свинством, поэтому он, конечно, в курсе. Но не более. Вмешиваться и влиять на процесс полковник не будет.

— Даже так?

— Даже так.

— Серьёзно.

— Ну, чай не в нарды играть собрались.

— Я просто почему спрашиваю, товарищ капитан: несмотря на то, что одна наша, как вы выразились, знакомая считает, что у меня с мозгами всё гут, я всё равно не очень доверяю этим ходячим штукам. Особенно с учётом того, что им загрузили наше ПО. Поэтому, если синт вдруг загрузит, а вы окажетесь вне зоны доступа, мне кому звонить?

— Никому. Тебе сами позвонят.

— А... как они узнают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.